

JAN CZERNIAKIEWICZ

Centrum Nauczania i Certyfikacji Języków Obcych UMCS

Отражение фонологических процессов в семантической структуре праславянского слова

Odzwierciedlenie prasłowiańskich procesów fonologicznych w znaczeniowej strukturze wyrazu

История развития славянской фонологии и фонетики хорошо изучена и описана польскими и зарубежными учёными. Их труды сводятся к изложению происходивших фонологических процессов в истории развития славянских языков. Тем не менее эти труды представляют большую ценность в языкознании, так как результаты таких исследований способствуют проведению дальнейшего языкового анализа: К. Хоралек¹, В. М. Иллич-Свитыч², З. Штибер³, Л. Мошински⁴, К. Бругман⁵, Ю. Шевелёв⁶, Л. Беднарчук⁷. Нашей целью – попытаться выяснить причины фонологических и морфологических изменений в структуре слога и слова праславянских лексем.

Известно, что каждый язык должен быть коммуникативным. Вербальный же язык состоит из предложений – грамматически и интонационно

---

¹ K. Horálek, *Úvod do studia slovanských jazyků*, Praha 1955, s. 105.

² В. М. Иллич-Свитыч, *Один из источников начального [x] в праславянском*, “Вопросы языкознания” 1961, № 4.

³ Z. Stieber, *Zarysy gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia*, Warszawa 1969.

⁴ L. Moszyński, *Wstęp do filologii słowiańskiej. Spółgłoski protetyczne. Spółgłoski wstawne*, Warszawa 1984, s. 196–199.

⁵ К. Бругман, *Балто-славянская языковая общность. Одна из черт балто-славянской общности – упрощение геминат*, [w:] Р. Бошкович, *Основы сравнительной грамматики славянских языков*, Москва 1984, с. 27.

⁶ Ю. Шевелёв, *Історична фонологія української мови*, Харків 2002.

⁷ L. Bednarczuk, *Tendencje rozwojowe fonetyki słowiańskiej w perspektywie indoeuropejskiej*, [w:] A. Cieślíkowa, *Monuscula linguistica*, Kraków 2006, s. 35–52.

оформленных сочетаний слов, выражающих законченную мысль. В то же время слова состоят из фонем, которые придают им определённое звучание. Если язык речи рассматривать синхронно, то характеризуется он тем, что все звуки в слове должны быть осознанно уложены в определённом порядке. Такие слова имеют конкретное значение, а нарушение порядка фонем в слове приводит к изменению звуковой оболочки слова. Вследствие такого явления слова неоднократно теряют смысл (осина – анисо, стул – лутс, дело – олед) или же совпадают с иными известными в языке словами (ров – вор, луг – гул, раб – бар, ад – да).

При диахронном рассматривании лексики определённого значения также может выступать изменение звуковой оболочки слов в результате трансформации, однако в данном случае может сохраняться семантика тех слов. В праиндоевропейском языке, как показывает анализ, при членении слов на слоги, граница слогов проходила после каждого фонетического или фонемного гласного. В состав же слога мог входить только один консонантный. Такое предположение основывается на неоднородной тональности смежных согласных, а это даёт право заключить, что они принадлежали к разным слогам, которые заканчивались $\emptyset$ -условно-нулевым гласным. Например: *[skhōrbrūs – [sø-khōrø-bø-rū-sø > sø-kōrø-bø-rū-sø > skōrø-brū-sø > srōbrūs > xrō-brū-sø] > xrabrǫ] > ст.-сл. **храбръ**, др.-рус. харобрыи, рус. храбрый; *[penktīs – penø-kø-ti-sø > penø-kti-sø > penø-ti-sø > pę-ti-sø] > pęть] > ст.-сл. **пять**, рус. пять, польск. pięć; *[mettīs – [me-tø-tī-sø > me-ttī-sø] > mestīs > mesti] > ст.-сл. **мести**, рус. мести, польск. mieść. Учитывая артикуляционную особенность вокальных и консонантных, а именно расплывчатость напряжения упругих тел – для гласных, и фокусное напряжение, заканчивающееся расплывчатостью, – для согласных, можно высказать следующую мысль: строение фонетического слога не зависит от нашего сознания, времени и языка. Строится слог по принципу от консонантного к вокальному. Хотя “графически” он может быть закрытым, но фонетически это всегда открытый слог. Опираясь на артикуляционную особенность фонем как таковых и сочетаемость консонантных, не соответствующих по своей тональности, такое деление слов на слоги могло реализоваться лишь при отсутствии какого-либо словесного ударения⁸. С развитием словесного ударения в периоде распада праиндоевропейского языка наступило перераспределение границ слога, вызванное дополнительной напряжённостью мускулов подвижных органов артикуляционного аппарата. А это привело к сокращению рекурсии в моменте произношения сочетавшихся согласных, что препятствовало полной её реализации каждого предшествовавшего консонантного и

⁸ J. Czerniakiewicz, *Некоторые особенности просодии (ударения) и отражения её на структуре слога*, „Przegląd Rusycystyczny” 2003, nr 2 (102), s. 107–111.

тем самым не допускало образования *ø*-условно-нулевого вокального после каждого предыдущего согласного, что способствовало объединению двух слогов в один. В свою очередь, это привело к сочетаемости неоднородных по тональности предыдущего консонантного с последующим, в силу чего наступили определённые процессы. Это касается в особенности диалектов с развитием тонического ударения: потеря придыхательного элемента *[h] – противопоставлявшего согласные фонемы – упрощение групп согласных, диссимиляция, ассимиляция, инфиксация и развитие новых фонем в некоторых фонетических условиях. Эти процессы развивались по мере осознанности носителями языка изменения звуковой оболочки слова.

Первыми, видимо, начали упрощаться элементом *[h], теряя его, дифференцировавшиеся консонанты (21–19 вв. до н. э.):

*[bh > b]: *[bhūtis > būtis > bytis > byть] > ст.-сл. **бѣти**, рус. быть, польск. być. Ср. др.-инд. bhūtis – “бытие”, лит. būti;

*[nēbhōs > nebos > nebo] > ст.-сл. **небо**, рус. небо польск. niebo. Ср. др.-инд. nábhaḥ, лат. nebula – “туман”;

*[dh > d]: *[dhūmūs > dūmūs > dymъ] > ст.-сл. **дымъ**, рус. дым, польск. dym. Ср. др.-инд. dhūmah; *[mēdhūs > mēdūs > medъs > medъ] > ст.-сл. **медъ**, рус. мёд, польск. med. Ср. др.-инд. mādhu, лит. medūs, латышск. medus;

*[gh > g]: *[ghorētis > gorētis > gorēti] > ст.-сл. **горѣти**, рус. гореть. Ср. др.-инд. gharah – “жар”, лит. garas – “пар”, garēti – “жечь”, др.-ирл. gorim – “грею”;

*[gheimās > geimās > zeimās > zimas > zima] > ст.-сл. **зима**, рус. зима, польск. zima. Ср. др.-инд. himaḥ, лит. žemá, лат. hiems;

*[ph > p]: *[phēnās > pēnas > pēna] > ст.-сл. **пѣна**, рус. пена, польск. piana, болгар. пѣна, чеш. pena, серб. пјена. Ср. др.-инд. phénaḥ;

*[sth > st]: *[sthātis > statīs > stati] > ст.-сл. **стати**, рус. статья, польск. stać. Ср. др.-инд. stitah, asthat, лат. status;

*[skh > sk > s > x]: *[skhōrbṛūs > skōrbṛūs > sōrbṛūs > xgōrbṛūs > xrabgъs > xrabgъ] > ст.-сл. **храбръ**, рус. церков. храбрыи. Ср. др.-инд. kharah – “твёрдый, острый,” латышск. skarbs – “резкий, суровый”;

*[th > t]: *[pōnthīs > pōntīs > pQъs > pQъt] > ст.-сл. **пѣть**, рус. путь. Ср. др.-инд. pānthāḥ – “путь, дорога, след”.

Вслед за упрощением дифференцировавшихся консонантных придыхательным элементом *[h] начали упрощаться сочетавшиеся группы согласных (19 – 18 вв. до н. э.). Выпадал тот предыдущий, который не соответствовал по тональности с последующим:

*[bn > n]: *[dhǔbnōs – [dhǔ-bø-nō-sø > dǔ-bnō-sø > dъ-no-sø] > дъно] > ст.-сл. дъно, др.-рус. дъно, рус. дно, польск. dno. Ср. лит. dubús – “глубокий”, dūbti – “погружаться”, латышск. dubens – “дно”;

*[bt > t]: *[dǒlbtōs – [dǒ-lø-bø-tǒ-sø > dǒ-lø-tǒ-sø > dlō-tǒ-sø] > dlato (doloto, dloto)] > ст.-сл. длато, рус. долото, польск. dłóto, чеш. dlato. Ср. др.-англ. delfan – “копать”, др.-в.-нем. bitelban – “погребать”;

*[dm > m]: *[plēdmens – [pø-lē-dø-menø-sø > ple-dmenø-sø] > plemes > plemę] > ст.-сл. плѣма – “семья”, др.-рус. плема – “потомство”, рус. племя, польск. plemię. Ср. греч. [plēthos] – “множество”;

*[ds > s]: *[kondsātīs – [konø-dø-sā-tī-sø > konø-dsā-tī-sø] > kQsatīs > kQsatъ] > ст.-сл. и др.-рус. кѣсати – “кусать”, рус. кусать, польск. kąsać. Ср. лит. kasti, kandù – “кусать”;

*[kt > t]: *[penktīs – [penø-kø-ti-sø > penø-kti-sø > penø-ti-sø] > pęть] > ст.-сл. пать, рус. пять, польск. pięć. Ср. лит. penkti, penkėtas – “пятый”; др.-инд. pankti – “пятый”;

*[ks > s]: *[tēksātīs – [tē-kø-sā-tī-sø > te-ksa-tъ-sø] > tesatъ] > ст.-сл. и др.-рус. тѣсати, рус. тесать, польск. ciōsać. Ср. др.-инд. takṣan – “плотник”, takṣati – “тешу”, греч. [tektōn] – “плотник”, лит. taṣiti – “тесать”, латышск. test – “тж”;

*[ksn > n]: *[louksnās – [louø-kø-sø-nā-sø > louø-ksnā-sø] > lunas > luna] > ст.-сл. луна, рус. луна. Ср. др.-прусск. louxnos – “созвездие”, luckis – “лучина”, лат. lux – “свет”, lūna – “луна” греч. [leukos] – “блестящий”;

*[ks > s]: *[lūksūs – [lū-kø-sū-sø > lū-ksū-sø] > lysъs > lysъ] > рус. лысый, белорус. лысы, польск. łysy. Ср. арм. lusin – “луна”, др.-инд. ruksās – “блестящий (r < l)”;

*[pn > n]: *[sǔpnūs – [sǔ-pø-nū-sø > sǔ-pnū-sø > sъ-nъ-sø] > sъnъ] > ст.-сл. сънъ, рус. сон, польск. sen. Ср. др.-инд. svapnas – “сон”, лит. sǎpnis – “сновидение”, греч. [hypnos];

*[ps > s]: *[ǔuǒpsās – [ǔuø-ǒ-pø-sā-sø > ǔuø-ǒ-psā-sø > ʔuø-o-sa-sø] > osas > osa] > ст.-сл. оса, рус. оса, польск. osa. Ср. лит. vapsà – “овод”;

*[psn > sn]: *[kǔpsnontīs – [kū-pø-sø-nonø-tī-sø > kū-psnonø-tī-sø] > kysnQ-tī-sø] > kysnQтъ] > ст.-сл. кыснжти, рус. киснуть, польск. kisać, чеш. kysati – “киснуть”, укр. киснути. Ср. латышск. kupet – “дымиться”, kusat – “кипятить”, лит. kūpėti – “бурлить”;

*[ptm > m]: *[sēptmīs – [sē-pø-tø-mī-sø > se-ptmъ-sø > se-mъ-sø] > семь] > ст.-сл. и др.-рус. седмъ, рус. семь, укр. сім, польск. siedem, кашуб. stmë//sodmi. Ср. лат. septem – “семь”, ир. secht, лит. septyni, латышск. septini, др.-инд. sapta;

*[bdm > dm]: *[sēbdmūs – [sē-bø-dø-mū-sø > sē-bdmū-sø > sē-dmū-sø > se-dmъ-sø] > sedmъ] > ст.-сл. седмъи, рус. седьмой, белорус. сёмы, польск. siódmy.

Параллельно с упрощением групп согласных, видимо, – по мере осознанности носителями языка – проходили процессы ассимиляции и диссимиляции (19–18 вв. до н. э.):

АССИМИЛЯЦИЯ + ДИССИМИЛЯЦИЯ

*[dt > tt > st]: *[soidtīs > soittīs > sēstīs > sēsti (sēstь)] > ст.-сл. и др.-рус. **сѣсти**, рус. *сесть*, польск. *sieść*, укр. *сісти*. Ср. лит. *sedū* – “садиться”, лат. *sēdēre* – “сидеть”.

*[dt > tt > st]: *[pōdtīs > pātītīs > pāstīs > pasti (pastь)] > ст.-сл. **пастти** – “согрешить”, рус. *пасть*, польск. *paść* при *[padQ] > ст.-сл. **падѣ**, рус. *я паду*, польск. *padnę*;

*[dt > tt > st]: *[ūūēdtīs > ūūēttīs > ūūēstīs > ūuestis > vesti (vestь)] > ст.-сл. **вѣсти**, рус. *вести*, польск. *wieść* при *[vedQ] > ст.-сл. **ведѣ**, рус. *я веду*, польск. *wiodę*; *[ūūōldtīs > ūūōlītīs > ūūōlstīs > ūvlōstь > vlastь] > ст.-сл. **власть**, рус. *власть*, польск. *władza*. Ср. латышск. *valdīt* – “обуздывать”.

ДИССИМИЛЯЦИЯ

*[tt > st]: *[mītītīs > mītīs > mьstь > mьstь] > ст.-сл. **мьсть**, др.-рус. *мьстити*, рус. *мечь*, *мстить*, польск. *zemsta*. Ср. латышск. *mits*, *mitus* – “мечь”, др.-инд. *mithás* – “взаимный”;

*[tt > st]: *[prōttūs > prōstūs > prostь > prostь] > ст.-сл. **прость**, др.-рус. *простыи*, рус. *простой*, польск. *prosty*, укр. *простий*. Ср. др.-инд. *pra-stha* – “площадь”, лит. *pràsti* – “привыкать”;

*[ktt > tt > st]: *[plēktītīs > plēttītīs (выпало *[k]) > plēstīs > plēsti (plēstь)] > ст.-сл. **плѣсти** – “ползти”, др.-рус. *плести*, рус. *плести*, польск. *pleść*. Ср. лат. *plectō* – “плету”, греч. [plekō] – “тж.”;

*[tt > st]: *[poittouātīs > poistouātīs > pēstovātīs > pēstovati (pēstovati)] > ст.-сл. **пѣстовати** – “заботиться”, др.-рус. *пѣстовати*, рус. *пестовать*, польск. *piastować*, укр. *пестити* – “нежить”, чеш. *pěstoun* – “воспитатель”, *pestovati* – “выращивать”.

ИНФИКСАЦИЯ (ВСТАВКА)

По мере осознанности изменения звуковой оболочки слов, вызванной выше рассмотренными языковыми процессами, наблюдалась инфиксация согласных также с целью выравнивания тона в слого и слове:

*[n]: *[gredhtīs > grendtīs (dh > d) > grentis (dt > tt) > grenstis (tt > st) > gręstis (en > ę) > gręsti] > ст.-сл. **грѣсти**, рус. *грясти* – “шагать”. Ср. лит. *gridyti* – “идти”;

*[t]: *[būsŕūs > būstrūs > bystrъs > bystrъ] > ст.-сл. **быстръ**, рус. быстрый, польск. bystry;

*[t]: *[(ō)strouūs > ōstrouūs > ostrovъs > ostrovъ] > ст.-сл. **острови** – “острова”, др.-рус. островъ, рус. остров. Ср. др.-инд. sraṁatī – “течёт”, лит. sraṁà – “течение”;

*[t]: *[(ō)srūs > ōstrūs > ostrъs > ostrъ] > ст.-сл. **остръ**, рус. острый, польск. ostru. Ср. лат. acus – “игла”, греч. [akaina] – “остриё, шип”.

*[t]: *[strouīās > strouīās > struīas > struias > struja] > ст.-сл. **струа**, рус. струя. Ср. ст.-инд. sraṁatī – “течёт”, н.-нем. strom – “течение, большая река”, лит. sraujà – “поток”, иран. srūaim – “течение”;

*[t]: *[pīsrūs > pīstrūs > rьstrъs > rьstrъ] > ст.-сл. **пестрый** – “разноцветный”, др.-рус. пьстрыи – “пятистый, пёстрый”, рус. пёстрый, польск. pstry. Ср. греч. [poikilos] – “пёстрый”, лит. piešti, piešiù – “чертить углём”, др.-прусс. reisāi – “пишет”.

*[t]: *[sūuēsōrs > s̄uesors > s̄vesrōs > sestras > sestra] > ст.-сл. **сестра**, рус. сестра, польск. siostra. Ср. др.-инд. svasar – “тж.” нем. Schwester – “сестра”, франц. soeur – “тж.”.

УСТРАНЕНИЕ ГЕМИНАТ (ДВОЙНЫХ СОГЛАСНЫХ)

Устранение геминат в праславянском языке было необходимо, так как они препятствовали плавности произношения речи, то есть они создавали несоответствия тона в слоге и слове. Выпадение двух или одного из двойных согласных зависело от следования за ними гласной фонемы или отсутствия её. Если следовала за ними вокальная фонема, то выпадал один консонантный, а в случае отсутствия гласной фонемы, – утрачивались оба согласных. Возникновение геминат связано, как кажется, с развитием словесного ударения, что способствовало объединению двух смежных согласных в один слог. Обнаруживается это в некоторых глагольных формах:

1. Во 2-ом лице ед. ч. настоящего времени, в случае присоединения к основе инфинитива окончания *[-si], возникали геминаты:

*[dādsīs > dāssīs (ds > ss) > dāsīs > dasi (daшь) < (dādtīs – “дать”)] > ст.-сл. **даси**, рус. дашь, польск. dasz;

*[ēdtīs > ēssīs (ds > ss) > ēsīs > jēsī (jěшь) < (ēdtīs – “есть”)] > ст.-сл. **яси**, рус. ешь, польск. jesz;

*[būtīs > b̄ssīs (ds > ss) > b̄sīs > jēsī < (būtīs – “быть”)] > ст.-сл. **юси**, польск. jesteś;

*[ūuēdsīs > ūuēssīs (ds > ss) > ūuēs̄s > vēš̄s > veš̄ < (ūuēdātīs – “знать”)] > ст.-сл. **вѣси**, рус. уст. ведаешь – “знаешь”, польск. wiesz;

2. Во 2-ом лице ед. ч. сигматических аористов, которые образовывались от основ инфинитива при помощи суффикса *[-s-] с окончанием *[-s]. В ре-

зультате таких обстоятельств возникали геминаты, устраняясь, они давали ожидаемую форму аориста:

*[beītīs > bei+s+s > beiss > bi < (beītīs – “бить”)] > ст.-сл. **ви**, рус. бил, польск. *biłęś*;

*[būtīs > bū+s+s > būss > by < (būtīs – “быть”)] > ст.-сл. **вѣ**, рус. был, польск. *byłęś*;

*[leiītīs > lei+s+s > leiss > li < (leiītīs – “лить”)] > ст.-сл. **ли**, рус. лил, польск. *lałęś*;

*[mērtīs > mēr+s+s > mērss > mrēss > mrě > (mērtīs – “умететь”)] > ст.-сл. **мрѣ**, рус. умер, польск. *umarł*;

*[mūtīs > mū+s+s > mūss > my < (mūtīs – “мыть”)] > ст.-сл. **мѣ**, рус. мыл, польск. *myłęś*;

*[peiītīs > pei+s+s > peiss > pi < (peiītīs – “пить”)] > ст.-сл. **пи**, рус. пил, польск. *piłęś*;

*[seiītīs > sei+s+s > seiss > ši < (seiītīs – “шить”)] > ст.-сл. **ши**, рус. шил, польск. *szyleś*.

С развитием степени музыкального словесного ударения происходили определённые процессы в фонологической системе праславянского языка. Примерно, во второй половине первого периода (15–10 вв. до н. э.) его существования в фонологической системе в определённом фонетическом положении некоторые звуки, несоответствовавшие по тональности слогов в слове, начали трансформироваться в новые неизвестные до тех пор фонемы. Первыми, как кажется, образовались *[x, z]:

*[x < s, sk, skh]: *[mūskūs > mūsūs > mūxūs > тѣхъ > тѣхъ] > ст.-сл. и др.-рус. **мѣхъ**, рус. мох, польск. *mech*. Ср. лат. *mūscūs*;

*[ousōs > ouxos > уxo] > ст.-сл. **оухо**, рус. ухо, польск. *ucho*. Ср. лит. *ausis*, гот. *ausō*, лат. *auris*;

*[rōrsūs > rōrxūs > rōxūs > ррахъ] > ст.-сл. **прахъ** – “пыль, пепел”, рус. порох, польск. *proch*. Ср. др.-сканд. *fors* (f < p) – “водяные брызги», латышск. *parslas* – “снежинки”;

*[sāskhās > sāsās > soxas > соха] > ст.-сл. **соха**, рус. соха, польск. *socha*. Ср. др.-инд. *śakha*, др.-иран. *šach, šaka* – “сук, ветвь”;

*[sūrmūs > xūrmūs > хѣтѣ > хѣтѣ > хромъ] > ст.-сл. **хромъ**, рус. хромой, польск. *chromy*. Ср. др.-инд. *srāmās* – “хромой”;

*[skhōrbrūs > sōrbrūs > хōrbrūs > хōrbrūs > хрabrъ > хрabrъ] > ст.-сл. **храбръ**, рус. церков. храбрыи. Ср. др.-инд. *kharah* – “твёрдый, острый”, др.-исланд. *skarpr* – “жестокий”, латышск. *skarbs* – “резкий, суровый, гневный”; *[skūtētīs > sūtētīs > хѣтѣ > хѣтѣ] > ст.-сл. **хѣтѣти**, др.-рус. хотѣти, рус. хотеть, укр. хотіти, польск. *chcieć*. Ср. лит. *ketėti* – “задумать”; *[skhōskhōtātīs > sōsōtātīs > хохотatīs > хохотati (хохотать)] > ст.-сл. **хохотати**, рус. хохотать. Ср. др.-инд. *kakhatati*;

*[skhoudüs > soudüs > xoudüs > худъс > худъ] > ст.-сл. **ХОУДЪ**, рус. худой, польск. chudy. Ср. лит. skaudüs – “болящий”;

*[skhātās > sātās > xatas > xata] > рус. **ХАТА**, польск. chata. Ср. перс. kata – “хата”, авест. kata – “дом”.

*[z < s, g, h]: *[kāsātīs > kāzātīs > kazatъs > kazati (kazatъ)] > ст.-сл. **КАЗАТИ**, рус. казаться, польск. kazanie. Ср. др.-инд. cáṣṭē – “видеть, усматривать”, kayatē – “наказывать”, авест. kay – “воздавать”;

*[leisātīs > leizātīs > lizatis > lizati (lizatъ)] > ст.-сл. **ЛИЗАТИ**, рус. лизать, польск. lizać. Ср. арм. lizem – “лижу”, греч. [leicho] – “тж.”, нем. licken – “лизать”;

*[mīsdās > mīzdās > mьzdas > mьzda] > ст.-сл. **МЬЗДА** – “награда”, **МЬЗДИТИ** – “награждать, платить”, др.-рус. мьзда – “плата”. Ср. осетин. mīzd – “плата, награда”;

*[mōsgūs > mōzgūs > mozgъs > mozgъ] > рус. мозг, польск. mózg. Ср. прусск. muzgeno – “костный мозг”, др.-иран. mazga;

*[gīnātīs > zīnātīs > zьnatis > zьnati (zьnatъ)] > ст.-сл. **ЗНАИЖ** – “распознаю”, **ЗНАИИЧИ** – “известный”, рус. знать. Ср. др.-инд. janāti – [džanāti] – “он знает”, лит. žinoti;

*[ghembhūs > zembūs > zębys > zęby] > ст.-сл. **ЗАБЫ**, рус. зубы, польск. zęby и *[ghombhūs > zombūs > zQbъs > zQbъ] > ст.-сл. **ЗЯБЪ**, рус. зуб, польск. ząb. Ср. др.-инд. jāmbhaḥ – [džāmbhaḥ] – “зуб”, греч. [gomphos] – “зуб, гвоздь”, лит. žambas – “por”;

*[m]gīitīs > mьlzītis > mьlzōitis > mьlzti (mьlzty)] > ст.-сл. **МЛЪСТИ** – “доить”, др.-рус. мьлзити – “сбивать масло”, рус. молозиво. Ср. лит. milžti – “доить”, греч. [amelgō] – “тж.”, лат. mulgēre – “тж.”;

*[ūuēhon(m)s > ūuēzon(m)s > ъuezon(m)s > vezQs > vezQ] > ст.-сл. **ВЕЗЖ**, рус. везу, польск. wiozę. Ср. др.-инд. váhati – “он едет”, лит. vežti – “везти”.

Параллельно с развитием звуков *[x, z], как кажется, проходил процесс образования коррелятивных консонантных по мягкости-твёрдости. Утраченный в языке состав согласных фонем, противопоставлявшихся придыхательным элементом *[h], должен был выполнен в силу действия “закона сохранения линейности языка”. Мягкость согласных первоначально, видимо, начала развиваться в положении перед гласными переднего ряда как наиболее поддающихся (по своей природе) изменению своей артикуляции по направлению к твёрдому нёбу:

*[āgnens > āg[nʹensø] > ag[nʹəsø] > agnʹe (jagnʹe)] > ст.-сл. **АГНЕЦЪ**, **АГНЬЦЪ**, **АГНА**, др.-рус. **ЯГНА**, рус. ягнёнок, польск. jagnię. Ср. лат. agnus – “ягнёнок”;

*[gentīs > zentīs – [zʹentʹisø] > zʹetʹisø > zʹetʹь] > ст.-сл. **ЗАТЬ**, рус. зять, польск. zięc. Ср. лит. žéntas, лат. gentis – “член рода”, греч. [genōtos] – “знакомый, брат”.

Затем, по мере осознания носителями языка, начали дифференцироваться по мягкости-твёрдости консонантные в положении перед вокальными заднего ряда. Под влиянием мягкости согласных последующие вокальные заднего ряда, как представляется, переходили в артикуляцию переднего ряда. Следует заметить, что эта особенность не строго соблюдалась всеми диалектами в тех же словах. В некоторых словах и в отдельных диалектах, как показывает анализ, могло и не произойти мягкости согласных:

*[dhombhrūs – “тёмный” > dhombhūs > dombūs > dQbъs > dQbъ] > ст.-сл. **дѣбъ**, рус. дуб, польск. dąb и *[dombhūs > dembūs – [d’emø]būs (dombūs) > dębys (dQbys) – [d’ę]by (dQby)] > рус. дубы, польск. dęby. Ср. греч. [demō] – “строю”, гот. timrjan (t < d) – “строить”;

*[gombhūs > zombūs > zQbъs > zQbъ] > ст.-сл. **зѣбъ**, рус. зуб, польск. ząb и *[gombhūs > gembūs (gombūs) – [z’em]būs (zombūs) > zębys (zQbys) – [z’ę]bys (zQbys) > zęby (zQby) – [z’ę]by (zQby)] > рус. зубы, польск. zęby. Ср. лит. žambas – “угол у перекрёстка, рог”, др.-инд. jāmbhaḥ – [džāmbhaḥ] – “зуб”, греч. [gomphos] (ph < bh) – “зуб”;

*[loubhīion(m)s > leubīions – [l’ueb’iionsø > l’ubl’Qsø] > lublQ – [l’ubl’Q]] > ст.-сл. **любляѣ**, рус. люблю, польск. lubię. Ср. др.-инд. lubhyati – “чувствовать неодолимое желание”;

*[loudhīeis > leudīeis > leudīeis > leudōeis > ludje (ludze, ludzi) – [l’udz’je, l’udzi]] > ст.-сл. **люди** – “человек”, рус. люди, польск. ludzie. Ср. др.-в.-нем. liut – “народ”;

*[bhīioudhtīs > bīioudtīs > bōiouttīs > bleustis > blustis – [bl’]ustisø > ([bl’]usti)] > ст.-сл. **блюсти** – “соблюдать, стеречь”, рус. блюсти. Ср. лит. baūsti – “наказывать”, греч. [reuthomai] (p < bh) – “бодрствовать, воспринимать”, др.-инд. bōdhati – “пробуждаться”;

*[pīiōuātīs > pīiēuātīs > pleuatis – [pl’]euatisø > [pl’]evati] > ст.-сл. **плевати**, рус. плевать, польск. pluć. Ср. лит. spīānu – “плюю”, лат. spuo – “гж.”, гот. spreīwan – “плевать”.

Процесс развития тонического словесного ударения продолжал развиваться. И в последнем периоде существования праславянского языка он достиг апогея (X в. до н.э. – V-VI вв. н.э.). А это повлекло за собой дальнейшую трансформацию согласных фонем:

1. Фонемы *[č’, ž’, š’] < *[k’, g’, x’]

Трансформация заднеязычных *[k’, g’, x’] > *[č’, ž’, š’] в положении перед гласными переднего ряда, видимо, способствовала созданию сингармонии по тону в слого и слове:

а) фрикативных *[g' > ž'], *[x' > š'] – в положении с консонантными любого характера последующего слога, например:

*[gě'nās > genas > [ž'e]na] > ст.-сл. **жѣна** – [ж'ѣ]на, рус. жена, польск. żona. Ср. лат. gēnūs – „род”, греч. [gě'nōs] – „рождение”; *[bēgētīs > bēgētīs > bē[ž'ě]tīs > [b'ěž'ět'i]] > ст.-сл. **бѣжати** – [б'ѣж'ат'и], рус. бе-жать; *[gīntīs > gьntis > [ž'ę]tis > [ž'ęt'i]] > ст.-сл. **жати** – [ж'ат'и], рус. жать, польск. żąć; *[teisīnās > teiśinas > tei[x'i]nas > [t'iš'i]na] > ст.-сл. **тишина** – [т'иш'ина], рус. тишина. Ср. лит. teišūs – „справедливый”; *[soušītīs > soušītis > sou[x'i]tis > su[š'i]ti (sušity)] > ст.-сл. **соушити**, рус. сушить, польск. suszyć;

б) аффрикативного *[k'] > [č'] – в положении перед следующим слогом со взрывным согласным, например:

*[krīkētīs > kriķētīs > kri[č'ě]ti] > ст.-сл. **кричати** – [кр'ич'ат'и], рус. кричать, польск. krzyć. Ср. лит. kriksėti – „покрикивать”, греч. [krike] – „визжи”, др.-герм. hrika – „скрежетать”; *[sēktīs > sēkьs > sē[č'ь]] > ст.-сл. **сѣчь**, рус. сечь, польск. ист. **Sicz**. Отсюда следует, что изменение заднеязычных произошло не по причине палатальности, как это принято определять в научной литературе, а является оно следствием развития музыкального ударения, так как существовавшая структура смежных слогов препятствовала плавному произношению слов. Доказательством такому предположению могут служить переднеязычные мягкие согласные, которые в одной структуре слога с гласным переднего ряда сохранились, а в другой – с таким же вокальным – трансформировались в иные консонантные, например: *[sōdītīs > xo[d'i]tis и sō[đi]on(m)s > xo[ž'd']Q]; *[ūōsītīs > vo[z'i]tis и vōziion(m)s > vo[ž']Q]; *[nosītīs > nō[s'i]tis и nōšiion(m)s > no[š']Q].

2. Фонемы *[š't', ž'd',] < [t', d', s', z']

Трансформация консонантных *[t', d', s', z'] могла произойти в сочетании с дифтонгом *[iī > ы > øi], а не в сочетании с *[j], как это принято определять в научной литературе, по двум причинам: слогаобразование суффиксальным путём было известно ещё в языке-источнике – с одной стороны; в периоде трансформации данных согласных в праславянском языке *[j] как самостоятельной фонемы ещё не было и он не мог быть использован в словообразовании – с другой стороны. Кроме того, этот процесс проходил и в унаследованной лексике с дифтонгом *[iī] после таких консонантных. По нашему мнению, по причине межслового сингармонизма дифтонгическое сочетание выпадало, а предыдущий консонантный изменял своё место образования, приспособляясь к созданию гармонии произношения со следующими слогами по тональности. Этот процесс мог наступить вслед за

I-ой трансформацией заднеязычных ещё не в повсеместном его завершении. Подтверждением такого мнения могут быть результаты сопоставления рефлексов заднеязычных мягких согласных (давшими, как известно, одинаковые изменения во всех славянских диалектах) с рефлексами консонантных $*[t', d', s', z']$, которые в окончательном расчёте образовали одинаковые изменения (шипящие) в одном из восточнославянских диалектов праславянского языка, а в других восточнославянских и западнославянских диалектах – разные рефлексы согласных (свистящие), например:

$*[sũuē[t]iīās > svě[š't's']yas > svě[š't']oia > svě[š't']a]$. Ср. ст.-сл. **свѣшѣта**, рус. свеча, польск. *świeca*; $*[pī[s]iion(m)s > pi[š't's']yiQ > pi[š't']oiQ > pi[š']Q]$. Ср. ст.-сл. **пиштѣж**, рус. пишу, польск. *piszę*; $*[ũui[d]iion(m)s > vi[ž'd'ž']yiQ > vi[ž'd']oiQ]$. Ср. ст.-сл. **виждѣж**, рус. вижу, польск. *widzę*; $*[kā[s]ātiion(m)s > ka[z]at̃ion(m)s > ka[ž'd'ž']Q > ka[ž'd']Q]$. Ср. ст.-сл. **каждѣж**, рус. скажу польск. *każę*; $*[ũuō[s]iion(m)s > vo[z]iion(m)s > vo[ž'd'ž']Q > vo[ž'd']Q]$. Ср. ст.-сл. **вождѣж**, рус. вожу, польск. *wożę*.

3. Фонемы $*[š't_2'] < *[s'k' < sk]$, $*[ž'd_2'] < *[z'd' < zd]$

Тем же изменениям подвергались и группы согласных в сочетании с дифтонгом $*[ĩi] > *[yi] > *[oi]$; предшествующий консонантный, уподобляясь по мягкости согласному, который выступал перед $*[ĩi]$, трансформировался в такие же звуки как и отдельно взятые те же консонанты: $*[ī[sk]iion(m)s > i[š't's']yiQ > i[š't']oiQ > i[š'č']Q]$. Ср. ст.-сл. **иштѣж**, рус. ищу; $*[(pri)-gvo[zd]iion(m)s > (pri)-gvo[ž'd'ž']yiQ > (pri)-gvo[ž'd'ž']oiQ > (pri)-gvo[ž'd']Q]$. Ср. ст.-сл. **пригвождѣж**, рус. пригвозжу.

Сонорные в сочетании с дифтонгом $*[ĩi] > *[yi] > *[oi]$, благодаря своей природе, не подвергались трансформации, а только становились более отчётливыми, причём дифтонгические сочетания исчезали, например: $*[moīiōs > moγie > moγoie > mo[r̃]e]$. Ср. ст.-сл. **морѣ**, рус. море, польск. *morze*; $*[pōiīōs > poγie > poγoie > po[l̃]e]$. Ср. ст.-сл. **полѣ**, рус. поле, польск. *pole*; $*[ghēmīās > zēmīās > zēm̃ia > zēm̃oia > zē[ml̃]a s (zēm'a)]$. Ср. ст.-сл. **зѣмля**, рус. земля, польск. *ziemia*; $*[bouīiās > bouγias > bouγoias > bou[r̃]a]$. Ср. ст.-сл. **бурѣя**, рус. буря, польск. *burza*.

Артикуляция таких сложных мягких консонантных была довольно-таки трудной. И по этой же причине они долгое время без изменений (упрощений) удерживаться не могли. А так как в начальном периоде своего развития такие сложные мягкие согласные ещё не были осознаны носителями языка,

то и, упрощаясь, они дали разные рефлексы по племенам (к тому времени славянские племена уже были далеко друг от друга). Отсюда в современных славянских языках на месте тех же праславянских мягких консонантных в одних языках выступают шипящие консонантные, а в других – различные свистящие. Следует заметить, что (после трансформации мягких согласных с дифтонгом *[i̯]) “новые” мягкие согласные в положении перед гласными переднего ряда не потеряли своей мягкости. Это может свидетельствовать о том, что мягкость консонантных не зависит непосредственно от качественной характеристики вокальных и не могла она являться прямой причиной трансформации мягких согласных в “новые” звуки.

И, наконец, в III-ем периоде развития праславянского языка музыкальное словесное ударение достигло апогея. Продолжали трансформироваться в некоторых фонетических условиях как консонантные, так и подвергались монофтонгизации дифтонги, создавая самую высокую степень тональности в слоге и слове:

4. Фонемы *[c', d'z', s'] < *[k, g, x]; *ě₂ < *[oi, ai]; *i₂ < *[ei]

Процесс монофтонгизации дифтонгов, как известно, проходил в положении перед согласными последующего слога, делая слог открытым одновершинным. Слоги со сложной фонологической единицей – дифтонгом состояли из двух гласных: вокального фонологического и гласного фонемного состава, например: *koinās – *[koio̯-nās > *[k'ě-]na > *[c'ě-]na). Таким образом создавались условия к развитию плавности речи. Однако, видимо, фонологическая открытость слогов, в состав которых входили заднеязычные, ещё не полностью обеспечивала синхронизацию артикуляции смежных слогов. После монофтонгизации дифтонгов язык терял часть единиц фонемного состава, так как некоторые дифтонги рефлексировались в располагаемые языком фонологические единицы, а заднеязычные оказались в идентичных условиях как и “исконные” *[k', g', x']. Следовательно, должны они были трансформироваться в такие же консонантные как и рефлексы I-ой трансформации заднеязычных. Однако такие изменения не произошли. В чём же причина? Представляется, что по “закону линейности языка” недостающий состав фонемных единиц должен быть восстановлен. Потому и результаты так называемой II-ой трансформации заднеязычных оказались, как известно, иными: *[k > k', g > g', x > x'] > *[c', d'z', s'], а мягкость они приобрели в связи со слоговой сингармонией по тональности, то есть приспособившись к тону сочетающихся вокальных, например: *[koilīs > koilīs > cě₂l̥] > ст.-сл. **цѣль**, рус. **цель**, польск. **ceł**. Ср. др.-прусск. **kailūstikan** – „здоровье”, готск. **hails**; *[koisārīōs > kě₂saŕ > cě₂saŕ] > ст.-сл. **цѣсарь**, рус. **царь**. Ср. греч. [kaisar]; *[goilōs > goilos > gě₂lo > [d'z']ě₂lo] > ст.-

сл. [д'з'ѣ]ло, рус. дело, польск. dzięło. Ср. лит. gailùs – „быстрый, резкий”; *[nōgās > nogas > noga, М.п. ед.ч. nogois > no[d'z']ė₂] > ст.-сл. **нога** : **но**[д'з'ѣ]. Ср. лат. unguis – „ноготь”; *[moucās > moucas > муха, М.п. ед.ч. muhois > musė₂] > ст.-сл. **моуѣ** : **моуѣѣ**. Ср. лат. musca, лит. musė; *[groisūs > grė₂xъs > grė₂xъ, И.п.мн.ч. grė₂xois > grė₂xi₂ > grė₂si₂] > ст.-сл. **грѣхъ** : **грѣхѣ**. Остальные консонантные таким изменениям не подвергались в связи с соответствием сингармонии в слоге и слове по тональности, например: *[dōgūs > dagъs > dagъ, М.п.мн.ч. dōgois > dagi₂] > ст.-сл. **даръ** : **дари**. Ср. лат. donum – „дар”, греч. [doron] – „тж.”; *[teisūs > teixъs > ti₂xъ] > ст.-сл. **тихъ**, рус. тихий, польск. cichy. Ср. лит. teisūs – „справедливый”

Монофтонгизация дифтонгов не наблюдалась в положении перед вокальными, так как здесь были условия для развития фонемного консонантного, который мог уже отойти к следующему слогу, делая предыдущий слог открытым, а последующий построить по принципу от согласного к гласному, например: *[sūnūs > synъs > synъ, Д.п. ед. ч. sūnoцѣs : synowe] > ст.-сл. **сѣнь** : **сѣнове**; *[dūcās > dъvas > dъva] > ст.-сл. **дѣва**, рус. два, польск. dwa. Ср. др.-инд. duva, лат. duo.

Фонемы *[е, Ѡ]

Дифтонги *[en(m), on(m)] – и с иными гласными слоговой их части – в положении перед согласным последующего слога монофтонгизировались, то есть трансформировались в “новые” неизвестные до тех пор языку звуки, например: *[gentīs > zentъs > zęť] > ст.-сл. **зѣть**, рус. зять, польск. zięć. Ср. греч. [gnōtos] – „знакомый, брат”, [gignōskō] – „знаю”, лит. žēntas; *[mēsēnkis > mē₁senkъs > mē₁sęкъ > mē₁sęсъ] > ст.-сл. **мѣсѣць**, рус. месяц, польск. miesiąc. Ср. лит. mėnu, лат. mensis, готск. mēna – „луна”, тохар. A moñ – „месяц”; *[īmens > ьmens > jъme > ime] > ст.-сл. **имѣ**, рус. имя, польск. imię. Ср. др.-прусс. emmens – „имя”, алб. emen, готск. namō – „тж.”, нем. Name – „тж.”, лат. nōmen – „тж.”; *[mensōs > mensos > mešo] > ст.-сл. **мѣсо**, рус. мясо, польск. mięso. Ср. прусск. mensa; *[pontīs > pontъs > pQtъ] > ст.-сл. **пѣть**, рус. путь. Ср. др.-инд. pānthāḥ; *[pontōs > pontos > pQto] > ст.-сл. **пѣто**. Ср. др.-прусс. panto – „цепь, оковы”, лит. pāntis; *[mondhrūs > mondrъs > mQdrъ] > ст.-сл. **мѣдръ**, рус. мудрый, польск. mądry. Ср. лит. mandrūs, латышск. mūdrs, др.-иран. mazdra, греч. [monthanō].

Итак, все выше рассмотренные изменения в фонологической системе праславянского языка вызывались развитием словесного ударения, в частности музыкального, требовавшего плавности произношения речи. А возникло оно как фактор, восполняющий фонологическую систему прасла-

вянского языка. Это и отразилось на звуковой оболочке тех слов, в которых наблюдались звуковые изменения. Но так как они были осознанными носителями языка, то не повлияли на семантику таких слов⁹.

Представляется логичным, что словесное тоническое ударение выполняло две функции: в социальном плане (наряду с паузой) – функцию определения границ слова и (совместно с фонемами) – фонологическую функцию. Доказательством такого мнения могут служить некоторые случаи в парадигматике при сопоставлении этимологически родственных слов разных индоевропейских языков. Праславянские дифтонги *[oi, ai, ei], как известно, в последнем периоде развития языка монофтонгизировались в монофтонги *[ě, i]:

В положении перед гласным последующего слога неслоговая часть дифтонга, состоявшая из сонорного, только удлинилась и совпала с самостоятельным звуком: *[īmātis > ьmāty > jьmāty > imāty] > ст.-сл. **имати**, рус. **имать** – „брать, взять”. Ср. лат. **emere** – „брать, покупать”, др.-прусск. **imt** – „брать”, латышск. **emt** – „гж.”; *[īmens > ьmens > jьmens > imę (имя)].

Остальные дифтонги с сонорным неслоговой их части, которые по своей природе не могли приспособиться к созданию плавности артикуляции, прибегали к иному методу приспособления – метатезе.

Фонема *[v, u]

Неслоговая часть дифтонгов *[ou, eu] – и с иными гласными слоговой их части – в позиции перед вокальным последующего слога развивались в согласный, по всей вероятности, в связи с приспособлением тональности к сочетавшемуся гласному, создавая вместе с ним сингармонию слога по тону, например: *[ouīkās > ouьkas > ouьka > ouьса] > ст.-сл. **овьца**, рус. **овца**, польск. **owca**. Ср. лит. **avīs**, лат. **ovīs**, латышск. **avs** – „овца”; *[nouūs > nouьъ > nouьъ] > ст.-сл. **новъ**, рус. **новый**, польск. **nowy**. Ср. лат. **novus**, греч. [**néos**], нем. **neц**, др.-инд. **návah**; *[ūūīdouās > ьūьdouas > ьūьdova] > ст.-сл. **вьдова**, рус. **вдова**, польск. **wdowa**. Ср. др.-инд. **vidhavā**, лат. **vidua**, готск. **widuwō**.

Дифтонги *[ou, eu] – и с иными гласными слоговой части – в положении перед согласным неслоговая их часть тоже удлинялась, но не развилась в самостоятельный консонантный звук, а совпала с самостоятельным вокальным [u]. Такой путь трансформации дифтонга привёл к тому, что в слове оказалось два смежных слога, состоявших из гласных. В артикуляции слова с двумя сочетавшимися гласными возника-

⁹ На звуковую оболочку слов и их семантику также могут оказать влияние случайно возникшие языковые явления, которые сначала появляются в малой группе носителей того или иного языка. Затем они распространяются на весь язык и становятся закономерными.

ло „зияние”, то есть перерыв плавности произношения слова. Отсюда язык должен был устранить вокальный слоговой части дифтонгов как избыточный элемент, например: *[taurūs > tauгъ > тугъ] > ст.-сл. **тѡуръ**, рус. тур. Ср. др.-прусск. *tauris* – „тур”, лат. *taurus* – „вол, бык”, греч. [taorōs] – „тж.”, готск. *stiur* – „тж.”; *[bīeudtīs > б̄ieudtis > б̄ieutis > [blʰ]udti > [blʰ]usti] > ст.-сл. **б̄люсти**, рус. блюсти. Ср. греч. [peúthomai] – „бодрствовать, наблюдать”, др.-инд. *bōdhati* – „замечать”, лит. *baūsti* – „наказывать”, *bliauti* – „реветь”.

Фонема *[j]

Фонема *[j] (или неслоговой *[i]), как известно, образовалась из неслоговой части дифтонгов *[ai, oi, īi] в положении перед вокальным последующего слога, делая предыдущий слог открытым. В таком случае *[j] оказался между двумя гласными. Откуда и термин интервокальный: *[baiās > baias > baja] > ст.-сл. **бая** – „колдун, чарователь”, рус. бая, польск. *baja* – „сказка”, чешск. *baje* – „сказка, миф”, словацк. *baj* – „миф”, рус. диал. бай – „говорун”; *[roiētūs (от. *roitīs*) > rojetъ] > ст.-сл. **поетъ**, рус. поёт.

Особо следует рассматривать, как кажется, два вида дифтонгов из которых развился *[j]: а) дифтонги с гласным слоговой части, подвергшимися редукции; б) дифтонги с гласными слоговой части, терявшими долготу или краткость, а также сочетаемость их с последующим вокальным, редуцировавшимся и терявшим долготу или краткость.

Из дифтонгов с краткими гласными, в частности *[īi], слоговой части в сочетании с последующим редуцировавшимся вокальными дали сочетание *[ь̄i], а затем, по мнению некоторых учёных, *[ь̄] перед *[j] переходил в *[ь̄]¹⁰, что дало > *[ь̄ī]. В таком положении из неслоговой части дифтонга, видимо, развился самостоятельный, но слабый *[j], то есть неслоговой *[i]. Некоторое время такой *[i] мог удерживаться. С течением времени *[ь̄] сократился до *[ø]-нуля гласного высокого подъёма переднего ряда, а *[ь̄] заднего ряда после *[i] переходил в *[ь̄]: *[konīiūs > коньiūs > кон̄ōiūs > конь] > ст.-сл. **конь**, рус. конь, польск. *koń*; *[nogīiūs > по̄ж̄iūs > по̄ж̄īȳ > по̄ж̄ōīȳ > по̄ж̄] > ст.-сл. **ножь**, рус. нож, польск. *nóż*. После такой трансформации гласных данного сочетания *[i] неслоговой оказался между [ø]-условно-нулевым и редуцированным вокальным переднего ряда, что могло привести его ещё к большему ослаблению. Сочетание *[ø]-нуля гласного с *[i] неслововым, видимо, оказалось настолько слабым, и могло препятствовать

¹⁰ В.П. Беседина-Невзорова, *Старославянский язык*, Харьков 1962, с. 64.

созданию гармонии по тональности с сочетавшимися слогами, а это могло явиться причиной его утраты.

Дифтонги [i] со слоговой частью *[i] в сочетании с последующим гласным не подвергавшимся редукции, вероятно, претерпевали такие же изменения, что и перед редуцированными вокальными, то есть в конечном итоге выпали, например:

а) в существительных: *[moŕiōs > moŕie > moŕoie > moŕe]. Ср. ст.-сл. **морѣ**, рус. море, польск. morze; *[pōliōs > polie > poloie > pole]. Ср. ст.-сл. **полѣ**, рус. поле, польск. pole; *[ghēmīās > zēmīas > zēmīa > zēmōia > zēmīa]. Ср. ст.-сл. **зѣмля**, рус. земля, польск. ziemia; *[bourīās > bourīas > bourōias > bour'a]. Ср. ст.-сл. **боуря**, рус. буря, польск. burza;

б) в глаголах: *[pišīon(m)s > pi[š't']ŕiQs > pi[š't']oŕiQs > pi[š't']Q]. Ср. ст.-сл. **пиштѣ**, рус. пишу, польск. piszę; *[ūiđīons > ŕvi[ž'd']ŕions > vi[ž'd']ŕiQ > vi[ž'd']oŕiQ > vi[ž'd']Q]. Ср. ст.-сл. **виждѣ**, рус. вижу, польск. widzę; *[loubīons > lubŕiQs > luboŕiQs > lublQ]. Ср. ст.-сл. **люблѣ**, рус. люблю, польск. lubię.

Дифтонги с долгим и кратким гласным слоговой части (потерявшие свою долготу или краткость, но не редуцировавшиеся) перед последующим любым гласным рефлексировались в сочетание с гласным полного образования и *[j], который оказался между двумя гласными. Такое сочетание с интервокальным *[j] не повлияло на предшествующий согласный и сохранилось в некоторых современных языках. Известно, что выступает оно в корневых и суффиксальных морфемах, восходящих к праиндоевропейскому языку:

1) в корневых морфемах существительных: *[boiōs > boiūs > boiŕ]. Ср. ст.-сл. **бои**, рус. бой, польск. bój; *[kraiōs > kraiūs > krajŕ]. Ср. ст.-сл. **краи**, рус. край, польск. kraj;

2) в суффиксальных морфемах, ставшими окончаниями после утраты конечного *[-s]: *[gēnoions > ženoions > ženojQ]. Ср. ст.-сл. Т.п.ед.ч. **женоѣ**, рус. женою, польск. żoną; *[sonđiēions > sonđieŕQ > sonđoŕejQ]. Ср. ст.-сл. Т.п.ед.ч. **сѣднѣѣ**, рус. судьёю; *[slougoiōns > slougoions > slugoiQ]. Ср. ст.-сл. Т.п.ед.ч. **слугоѣ**, рус. слугою, польск. służą.

3) в суффиксах некоторых глагольных форм настоящего времени: *[dēlaiōns > dēlaiōns > dēlaiQ]. Ср. ст.-сл. **дѣлаѣ**, рус. я делаю; *[gīnaiōns > zŕnaiōns > zŕnajQ]. Ср. ст.-сл. **знаѣ**, рус. я знаю; *[o-gīuīaiōns > o-živŕiajQ > o-živlōiajQ]. Ср. ст.-сл. **оживлѣѣ**, рус. я оживляю¹¹.

¹¹ J. Czerniakiewicz, *Графическое обозначение (не обозначение) [j] в польском и русском языках*, „Przegląd Ruscystyczny” 1997, z. 1–2 (77–78), s. 98.

Развитие *[j] в самостоятельную фонему, как и рефлексация *[v], дало возможность использовать их в структуре слога. До начала тенденции строения открытого слога в праславянском языке, как известно, могли выступать слова с начальным гласным. Артикуляция таких слов начиналась с высокого тона, что препятствовало „полной” музыкальности слова. По этой, видимо, причине слова с начальным вокальным начали протезироваться: *[azūs > азъ > jazъ] > ст.-сл. **ѧзъ**, рус. я, польск. ja; *[ěšūiās > ezūas > ezvas > jazva] > ст.-сл. **ѧзва**, рус. язва; *[ěšērōiūs > ezerōiūs > ezerōiūs > jezerōiōs > jezero] > ст.-сл. **ѧзеро**, польск. jezioro, рус. озеро (из jezero), в том числе и указательные местоимения *[īs, ās, ēs > ъ, а, е > јь, ја, је] > ст.-сл. „**и, ѧ, ѧ**”¹². Однако протезирование не произошло абсолютно в одинаковой степени во всех диалектах. Даже в одном и том же диалекте „протезы” могли быть разные и не в полном объёме охватывали слова с начальным гласным. Ср: ст.-рус. **око** и белорус. **воко**; рус. **Елена** – [je]лена и польск. **Helena**, рус. он и белорус. **ён** – [jon], диал. **вон** и т. д. Это может указывать на то, что „протезы” в начальном периоде не являлись фонологическими единицами, а выполняли чисто акустическую функцию.

Известно, что указательные местоимения *[јь, ја, је] после их протезирования послужили образованию некоторых частей речи или их форм ещё в праславянском языке, что было унаследовано старославянским, например:

1) вопросительных местоимений: *[къ, ka, ko] + (**и, ѧ, ѧ**) > *[кѧи, каѧ, коѧ], а также ряд других местоимений;

2) членных форм прилагательных: *dobъ + (**и, ѧ, ѧ**) > добръѧи, добраѧа, доброѧе (они произошли от всех трёх родов существительных и по этой причине в ср. и ж. родах выступает гласный полного образования перед *[j] в современном русском языке);

3) притяжательных прилагательных + *Vogъ: + (**и, ѧ, ѧ**) > **Божѧи, Божѧа, Божѧе**; *vragъ + (**и, ѧ, ѧ**) > **вражѧи, вражѧа, вражѧе**; *ovъka + (**и, ѧ, ѧ**) > **овчѧи, овчѧа, овчѧе** (в современном русском языке на месте редуцированного в сочетании с [j] выступает [ø]-нулевой гласный в ср. и ж. родах: Бож[ø]ја, Бож[ø]је);

4) сравнительная степень прилагательных образовалась при помощи суффиксального элемента *[ě > ѣ] плюс указательное местоимение *[јь, је] > (**и, ѧ**): *starъ + (ě+јь) > *starějъ, ст.-сл. **старѣѧи** – И.п.ед.ч. муж. род. (рус. старее); *silīn + (ě+је) > *silīn + (ě+је) > *silīněje > ст.-сл.

¹² Г.А. Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва 1974, с. 214.

сильнѣе – И.п.ед.ч. сред. р. (рус. сильнее). Итак, во всех этих случаях [j] условно можно назвать интервокальным.

Рассмотренные здесь особенности использования [j] в качестве протезы отразилась на образовании полных форм прилагательных и некоторых местоимений. Эта особенность передалась (после распада праславянского языка) многим самостоятельным славянским языкам, а в том числе и украинскому. Кроме вышеперечисленных позиций [j] появился факультативно после превращения праславянских служебных слов (союзов и частиц) в приставки, образуя так называемые вторичные дифтонги: рус. при + идти > прийти < *[iti < eidtīs); ст.-укр. въ заѣмъ < (*imati < j+imatis) – Славин. 1642, взаѣмнѣ – Літоп. Граб. 1710¹³

Как известно, в развитии праславянского языка имела место третья трансформация заднеязычных, которая практически никаких изменений не внесла в фонемный состав праславянского языка, так как она явилась лишь вариантом II-ой трансформации заднеязычных. Тем не менее она повлияла на звуковую оболочку слова, но не отразилась на семантике тех слов, в которых она наблюдалась. Данная трансформация произошла, как известно, после гласных переднего ряда *[ъ] < *[i], *[i] < *[ī, oi, ai], *[ę] < *[in], то есть после предшествующего слога, в состав которого входил вокальный высокого подъёма „старый” *[i] перед любым гласным, кроме *[ъ] < *[ū], *[y] < *[ū] и не перед согласными. Причиной данной трансформации, по мнению Н.А.Бодуэна де Куртенэ, впервые отметившего указанное „смягчение”, является межслоговая ассимиляция¹⁴. Такое мнение, как кажется, может быть вполне оправданным, так как межслоговая ассимиляция требовала выравнивания тона в слове, то есть между слогами.

На основании рефлексов заднеязычных в результате III-ей трансформации (в которой гласные переднего ряда оказывали влияние и на заднеязычные твёрдые, а, однако, последние трансформируясь, приобретали мягкость) можно предполагать, что в периоде развития музыкального ударения также действовала межслоговая ассимиляция по мягкости, например: *ōiūkās > *овьк’а > *овьс’а > ст.-сл. **овьца**, рус. овца. Ср. др.-инд. avika; *kūningŭs > *къпнъгъ > *къпнъгъ > *къпнѣ[d’z’ъ] > ст.-сл. **кънѧ**[d’z’ъ], рус. князь. Ср. герм. kuning¹⁵.

Сопоставляя изменения заднеязычных согласных в сочетании с гласными переднего ряда, а также иных консонантных в сочетании с

¹³ Ю. Шевелёв, *Исторична фонологія української мови*, Харків 2002, с. 345–363.

¹⁴ См. Г.А. Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва 1974, с. 147–148.

¹⁵ Изменение заднеязычных в лингвистике принято определять I, II и III палатализациями. По нашему мнению, более приемлемым мог быть термин: I, II и III трансформация заднеязычных, так как мягкость непосредственно не влияет на их изменение.

*[i] – слоговой части дифтонга *[iɪ], – подвергавшимся трансформации, с теми же консонантными в сочетании с вокальными непереднего ряда – слоговой части дифтонгов, в частности, *[oi, ai], – а затем, в сочетании с которыми (после их монофтонгизации) согласные подвергались II-ой трансформации, можно предполагать, что тенденция открытого слога наметилась примерно после завершения процесса I-ой трансформации и завершения рефлексии иных согласных в сочетании с дифтонгом *[iɪ].

Таким образом, мена звуковой оболочки слова, рассматриваемая в синхронном аспекте, отражается на его семантике: слова приобретают новое значение или теряют смысл. В то же время диахронное изменение звуковой оболочки слова вызывается определёнными закономерностями и происходит оно осознанно, потому и не отражается на семантике слова.

SUMMARY

Synchronic changes in the sound structure of a word, which are caused by a change of a speech sound or a change the speech sounds order, can produce entirely altered semantics, or even lead to entire nonsense. In the study there have been observed diachronic changes in a word sound structure conditioned by the phonetic position of adjacent 'graphically closed' syllables, which are influenced by development of the word stress, particularly of tonic character. The stress induces a number of processes such as assimilation, dissimilation, simplification of consonant clusters, as well as sound deletion or insertion. Development of particular grammatical forms, e.g. gemination, both with reference to forming as well as reduction of double consonants, has also been analysed. All discussed processes have produced changes in word sound structures, however, they have not brought about semantic changes of specific terms.

STRESZCZENIE

Synchroniczne zmiany w strukturze dźwiękowej wyrazu wywołane zamianą głósłki w wyrazie lub zmianą kolejności głósłok może doprowadzić do powstania innej semantyki, względnie do całkowitego nonsensu. W artykule poddano obserwacji diachroniczne zmiany w strukturze dźwiękowej wyrazu uwarunkowane pozycją fonetyczną sąsiadujących „graficznie zamkniętych” sylab, które pozostają pod wpływem rozwoju akcentu wyrazowego, w szczególności tonicznego. Akcent ten wywołał powstanie takich procesów jak: asymilacja, dysymilacja, uproszczenie grup spółgłoskowych oraz wypadnięcie głósłki lub jej wtrącenie. Przedmiotem analizy jest również rozwój niektórych form gramatycznych na przykład zjawisko powstania geminat i ich redukcji. Wszystkie wymienione procesy wywołały zmiany w strukturze dźwiękowej wyrazu, ale nie doprowadziły one do zmiany semantyki poszczególnych terminów.